

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 19–29.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 19–29.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Научная статья

УДК 340.131.6

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

Борков Виктор Николаевич

Омская академия МВД России, Российская Федерация, г. Омск, borkovv@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию значения теоретико-правовых принципов как руководящих начал осуществления уголовно-правового регулирования. Принципы рассматриваются не в контексте ограничения активности законодателя, а в качестве правовых идей, следование которым делает уголовный закон более справедливым, побуждающим к соблюдению своих предписаний, сбалансированным с точки зрения учета интересов личности и государства, а также беспробельным в конкретных политических и социально-экономических условиях. Принципы позиционируются ориентиром для следователей и судей, обеспечивающим содержательную связь между применяемыми нормами и заложенными в них идеями.

Материалы и методы. Исследование основывается на диалектическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический, формально-юридический и системно-структурный методы. Использованы практика и материалы Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации.

Результаты исследования. Показана связь принципов права с доктриной, их расположение на одном уровне правовой реальности. Выявлено соотношение общего принципа законности и его уголовно-правовой составляющей. Обосновано значение доктрины в качестве источника права для реализации принципа законности в его общеправовом и отраслевом значении. Доктрина охарактеризована как постоянный поиск права, формирование правовых принципов и стремление к их идеальной реализации.

Выводы и заключения. Доказана непродуктивность противопоставления уголовно-правовой доктрины объективному праву и практике его применения. Тесная связь между названными формами юридической среды проявляется, с одной стороны, в вовлечении правовых идей в законодательную деятельность и судебную практику, с другой – в осмыслении и принятии юридической наукой объективного права и его концептуального судебного толкования.

Ключевые слова: принцип законности, правовая доктрина, общественная опасность, источники уголовного права, криминализация деяний, квалификация преступлений

Для цитирования: Борков, В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 19–29.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

© Борков В. Н., 2024

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

PRINCIPLE OF LEGALITY AND CRIMINAL DOCTRINE

Viktor N. Borkov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Omsk,
borkovv@mail.ru

Introduction: The article is devoted to the study of the significance of theoretical and legal principles as guiding principles for the implementation of criminal law regulation. The principles are considered not in the context of limiting the activity of the legislator, but as legal ideas, following which makes the criminal law more fair, encouraging compliance with its provisions, balanced in terms of taking into account the interests of the individual and the state, and also without gaps in specific political and socio-economic conditions. The principles are positioned as a guide for investigators and judges, ensuring a meaningful connection between the applicable norms and the ideas embedded in them.

Materials and Methods: the research is based on the dialectical universal method, and also includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, formal-legal and system-structural methods. The practice and materials of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation have been used.

The Results of the Study: the connection of principles of law with doctrine, their location at the same level of legal reality is shown. The correlation of the general principle of legality and its criminal-law component is revealed. The importance of doctrine as a source of law for the implementation of the principle of legality in its general legal and sectoral meaning is substantiated. Doctrine is characterized as a constant search for law, formation of legal principles and striving for their ideal implementation.

Findings and Conclusions: The unproductiveness of opposing criminal law doctrine to objective law and the practice of its application has been proved. The close connection between the mentioned forms of legal environment is manifested, on the one hand, in the involvement of legal ideas in legislative activity and judicial practice, on the other hand, in the comprehension and acceptance by legal science of objective law and its conceptual judicial interpretation.

Keywords: principle of legality; legal doctrine; public danger; sources of criminal law; criminalization of acts; qualification of crimes

For citation: Borkov V.N. Princip zakonnosti i ugovolno-pravovaya doktrina [Principle of legality and criminal doctrine]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 19–29.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

Уголовный закон является реакцией государства на деяния, обладающие исключительной опасностью, причем реакцией репрессивной и необходимой для того, чтобы подобные посягательства не повторялись в будущем. Поэтому положенные в его основу правовые идеи должны быть справедливыми, а формы – точными и недвусмысленными. Такое состояние уголовно-правового регулирования немислимо без следования теоретико-правовым принципам как руководящим началам. Причем было бы

упрощением рассматривать принципы в качестве «ограничителей» активности законодателя. Напротив, именно благодаря общетеоретическим принципам выявляются и решаются проблемы уголовно-правового регулирования. Уголовный закон становится более справедливым, побуждающим к соблюдению своих предписаний, сбалансированным с точки зрения учета интересов личности и государства, а также беспробельным в конкретных политических и социально-экономических условиях. Принципы являются ориентиром для следователей и судей, обеспечивают содержательную связь между применяемыми нормами и заложенными в них идеями.

Важное значение при осуществлении функции борьбы с общественно опасными посягательствами имеет соблюдение принципа законности. Соотношение общеправового принципа и его отраслевого содержания обусловлено ролью конкретной отрасли в обеспечении режима законности, при котором все участники общественных отношений соблюдают правовые нормы. Уголовный закон призван удерживать людей от наиболее опасных деяний, принуждая к соблюдению запретов на их совершение. Уголовный закон не регламентирует процедуры установления лиц, нарушивших такие запреты, их избличения и наказания – он описывает признаки преступлений и определяет соответствующие их опасности меры воздействия. Поэтому принципиальным является положение, согласно которому только уголовный закон устанавливает преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (ч. 1 ст. 3 УК РФ⁶). Таким образом, в уголовно-правовом аспекте реализация принципа законности предполагает, с одной стороны, признание определенных деяний преступлениями, а с другой – точное применение уголовно-правовых норм, т. е. переход объективного права в действительность.

Законность, как и другие принципы, одновременно с нормативным выражением выступает в качестве элемента правовой доктрины как системы взглядов и идей о праве, а также подходов к формированию правовой реальности. Существует два основных подхода к криминализации деяний: формальный и материальный. Согласно первому, установление преступности того или иного поведения есть произвол законодателя, следование воле руководителей государства. Идеологом такого подхода является Я. И. Гилинский, который пишет: «Нет “преступлений” и “преступности” по содержанию деяний, относимых уголовным законом любого государства к “преступлениям”. “Преступления” – продукт криминализации государством (властью, режимом) тех или иных деяний здесь и сейчас» [1, с. 4]. С отсутствием объективных оснований для признания отдельных видов поведения опасными для личности, общества и государства согласиться трудно. Стирание границ между добром и злом, абсолютизация относительности последнего ведут общество к разложению и деградации. Кроме того, следование идее относительности преступного и не преступного поведения лишает законодателя разумных критериев при решении вопроса о том, что запрещать под страхом уголовного наказания. «Методология субъективного идеализма, оторванная от анализа реального бытия права, ничего, кроме произвольной трактовки тех или проблем права в общем виде, на отдельных удачно подобранных примерах, дать не может» [2, с. 21].

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.02.2024).

Последовательный сторонник второго подхода А. И. Марцев в качестве единственного надежного критерия установления уголовной ответственности определил общественную опасность [3, с. 27]. Конституционный Суд Российской Федерации в своей правовой позиции указал, «что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»⁷. Н. А. Лопашенко относит к принципам криминализации: достаточную общественную опасность деяния, относительную распространенность, преобладание позитивных последствий от его запрещения, а также принципы неизбежности и своевременности криминализации [4, с. 106]. Таким образом, своей уголовной противоправностью деяния обязаны в первую очередь присущей им достаточной степени общественной опасности.

Реализация принципа законности осуществляется как на уровне уголовно-правовых идей и форм, так и в правоприменительной деятельности. Было бы упрощением полагать, что оценка общественной опасности деяний – это прерогатива только законодателя при их криминализации, а задача правоприменителя состоит исключительно в правильном «шаблонном» применении уголовного закона. Законодатель оценивает типичную опасность поведения определенного вида, а правоприменитель исследует опасность конкретного посягательства в процессе его квалификации. Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, об объективном характере общественной опасности, а с другой – о необходимости толкования уголовного закона в процессе его применения. «Требование правовой определенности, – разъясняет высший орган конституционного контроля, – обязывая излагать законодательство с достаточной точностью, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или же из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу правовых ситуаций, либо с выявлением более сложной взаимосвязи правовых предписаний»⁸. Важно понимать, что «расхождение между правовой формой и фактическим (материальным) содержанием позволяет понять механизм... творческой роли права. Правовая форма имеет активный характер. Она как бы “притягивает” к себе фактическое (материальное) содержание» [5, с. 261–262]. Действительно, реальным содержанием уголовно-правовую норму наполняет правоприменительная практика.

Об объективном характере общественной опасности свидетельствует существование такого феномена, как малозначительность деяния. Не признаются преступными действия (бездействие), хотя формально и содержащие признаки состава, предусмотренного УК РФ, но

⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 19.02.2024).

⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 № 21-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384903/ (дата обращения: 19.02.2024).

в силу малозначительности не представляющие общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). «В правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым»⁹. Связанность реализации принципа законности при осуществлении уголовно-правового регулирования с оценкой общественной опасности квалифицируемых посягательств актуализирует проблему определения критериев ее криминального уровня, т. е. меры, достаточной для признания содеянного преступлением. Причем если в законотворческой деятельности исследуется опасность посягательств одного вида и наличие иных оснований для криминализации, то в процессе квалификации признаки конкретного деяния соотносятся с признаками уголовно-правовой нормы. При этом оценке подлежат и те, и другие. Если установление первых – это вопрос факта, то вторые, даже с учетом их формальной определенности, подлежат толкованию, а это уже вопрос права.

Сложно спорить с позицией, согласно которой содержание уголовно-правового запрета не может выходить за пределы текста соответствующей нормы или эти пределы ограничивать. Вместе с тем именно в процессе применения уголовного закона его текст наполняется реальным содержанием, и делает это правоприменитель под влиянием правовой доктрины. Значение последней при принятии юридических решений, подчеркивает С. В. Бошно, определяя правовую доктрину как совокупность «правовых идей установочного и поведенческого содержания, определенно сложившихся в результате судебной, политико-правовой, правотворческой и правоприменительной, научной деятельности, выполняющую оценочную функцию по отношению к другим формам права» [6, с. 45]. Такая оценка необходима при определении потребности в криминализации деяний, а также при применении уголовно-правовых норм. Постоянный мониторинг соблюдения законности при осуществлении уголовно-правового регулирования предполагает исследование особенностей взаимной детерминации юридических идей, форм и реальности, осмысление диалектики закона и права.

С учетом отмеченного выше материального подхода к определению преступления, мы соглашаемся с позицией В. М. Сырых, согласно которой «материалистическая теория права пока что остается единственной доктриной, способной раскрыть диалектическую взаимосвязь форм права как компонентов механизма перехода объективного права в действительность» [7, с. 95]. «Фактические правоотношения, правовая «реальность», объективно существующие правоотношения, регулирующие прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе...» [8, с. 8]. Связь между уголовно-правовыми нормами и охраняемыми ими отношениями опосредована и обусловлена уровнем социально-экономического и политического развития общества. Воздействие указанных факторов на правовую среду проявляется в источниках права. Например, согласно позиции высшего органа конституционного контроля: «Сохраняя ранее установленные общие критерии крупного и особо крупного

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандровской Евгении Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3272-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793048&cacheid=2A19686978DF6087D6BF77D09F1DEE29&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#qFv5aGUtHhL3BgMK> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

размеров для преступлений против собственности, федеральный законодатель учитывал современные социально-экономические отношения»¹⁰.

Особое значение источники уголовного права приобретают в процессе квалификации преступлений, когда принцип законности соблюдается при уяснении содержания уголовно-правовых запретов. «Чтобы обеспечить требуемую правовую определенность в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо не только надлежащее технико-юридическое формулирование уголовно-правовых норм, но и адекватное нормативное отражение фактически существующей системы источников уголовного права» [9, с. 52]. Постоянная модификация воздействия, как права на социальную среду, так и социальной среды на право, усложняет задачу нормативного закрепления фактически существующей системы источников уголовного права, но наиболее значимые из них необходимо учитывать.

Сложно переоценить значение для реализации принципа законности при осуществлении уголовно-правового регулирования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который, «в отличие от других субъектов судебной деятельности, является еще и правотворческим органом» [10, с. 298]. Его решения «фактически выступают в качестве источников права» [11, с. 544]. Конституционный Суд Российской Федерации демонстрировал авторитетные позиции по проблемам обоснованности криминализации деяний ее беспробельности и неизбыточности, соотношения уголовной и административно-деликтной противоправности, справедливости дифференциации законодателем ответственности, в том числе обязывая последнего исправлять допущенные ошибки. Особой ценностью для правоприменителя обладают разъяснения конституционно-правового смысла отдельных признаков составов преступлений и оснований признания деяний малозначительными. Перечисленные позиции как источники права обеспечивают непротиворечивость и формальную определенность уголовного закона, недопустимость его неправовой интерпретации.

Соблюдение законности обеспечивает выявление конституционно-правового смысла запретов, установленных УК РФ. Примером является ответ на жалобу гражданки П. М. Покараевой, которая изготовила подложный протокол допроса свидетеля на основе аудиозаписи телефонного разговора и была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ. По мнению заявительницы, ст. 303 УК РФ позволила признать преступлением «изготовление протокола фактически не проводившегося следственного действия с включением в его содержание достоверных сведений, а также не конкретизируя вред интересам правосудия, который причиняется таким деянием». Конституционный Суд Российской Федерации определил, «что указанный протокол содержит ложные сведения о самом факте производства следственного действия. <...> ...изготовление протокола следственного действия без фактического его проведения в целях приобщения такого документа к материалам уголовного дела не только является процессуальным нарушением, но и подрывает само существо уголовного судопроизводства, а потому достигает того уровня общественной опасности, который в правовой системе России легитимирует уголовное преследование. Это также относится к фальсификации протокола допроса свидетеля, поскольку без удостоверения личности допрашиваемого лица, разъяснения ему прав и обязанностей,

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Украины Лесного Василия Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом "б" части четвертой статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 436-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=751302&cacheid=93F06302FAD9C0E6D937475131B52F8F&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#xG4KaGUgZSlr9Owo> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

предупреждения об уголовной ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 УК РФ, выполнения иных процессуальных требований полученные следователем в ходе разговора сведения не могут считаться доказательством»¹¹.

Важнейшим источником права, обеспечивающим реализацию принципа законности, являются разъяснения Верховного Суда, а также практика рассмотрения им конкретных уголовных дел. В постановлениях высшей судебной инстанции в связи с возникающими у судов вопросами и в целях обеспечения единообразия применения уголовного закона раскрывается содержание признаков составов преступлений, разрешаются наиболее сложные проблемы их квалификации, разграничения друг от друга и от правомерного поведения. Сложно переоценить значение для следователей, прокуроров и судей, а также для реализации принципа законности правовых прецедентов, создаваемых Верховным Судом Российской Федерации.

А. В. Иванчин, «рассуждая о круге источников права в юридическом (формальном) смысле», отмечает, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации к таковым отнесены быть не могут, так как они только «de facto играют для правоприменителя, включая судей, роль источников. Но с юридической точки зрения постановления Пленума не нормативные акты, имеющие общеобязательную силу» [12, с. 28]. С другой стороны, в качестве источника уголовного права А. В. Иванчин обоснованно называет решения Конституционного Суда Российской Федерации, но приводит при этом спорный пример «конструирования новой нормы о том», «...когда завладение найденным имуществом образует состав кражи, что явно бесспорно, поскольку оказались криминализированы случаи завладения виновным имуществом, которое он не изымал, а лишь обратил в свою пользу» [12, с. 28]. Сложно согласиться с тем, что обязательным признаком источника права является нормативность, особенно в контексте реализации принципа законности. Указанные высшие суды не уполномочены создавать новые уголовно-правовые нормы. Конституционный Суд Российской Федерации может разъяснить конституционно-правовой смысл действующей уголовно-правовой нормы, императивно обратить внимание законодателя на ее неконституционность, установить срок исправления указанного недостатка, по истечении которого прекратить ее действие, но брать на себя полномочия законодателя он не вправе. В соответствии с законом, Конституционный Суд Российской Федерации «решает исключительно вопросы права», а также «вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения» (п. 7 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹²).

«Познание законов будет далеко не полным, весьма узким и односторонним, если изучение их формально-юридических черт и особенностей не будет органически сочетаться и дополняться с учетом их фактических сущностных и содержательных черт и особенностей» [13, с. 124]. Наряду с высшими судебными инстанциями важную роль в понимании уголовного закона играет правовая доктрина. Законодатель и суды очень часто воспринимают идеи ученых и результаты научных исследований. Сложно отрицать

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Покараевой Полины Михайловны на нарушение ее конституционных прав статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3256-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793037&cacheid=0DA7D05C15A598EAD094EFEDC0012634&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#pQHMaGUsX3I3jmgr2> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹² О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон № 1-ФКЗ : принят Гос. Думой 24 июня 1994 года : одобрен Советом Федерации 12 июля 1994 года : в ред. от 31.07.2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 19.02.2024).

влияние доктрины на сознание судей, прокуроров и следователей, как уже осуществляющих свои полномочия, так и будущих, которые слушают лекции, читают учебники и научные публикации, подготовленные учеными. Но объективного права доктрина, безусловно, не образует. Например, судом было отказано в «передаче дела по заявлению о выдаче дубликата исполнительного листа для пересмотра в порядке надзора судебных актов, ... так как ссылка заявителя на опубликованную в журнале статью не может быть принята, поскольку такая публикация не является источником права»¹³.

Между тем категоричной выглядит позиция А. И. Овчинникова и А. О. Далгатовой о недопустимости использования «правовой доктрины в правоприменении, так как это приведет к злоупотреблению правом» [14, с. 63]. Не имея нормативного характера, доктрина является одним из средств уяснения содержания уголовно-правовых норм. Доктрина развивает правосознание должностного лица, применяющего уголовный закон, без которого немислимо обеспечение законности. Так, в процессе квалификации в случае «подозрения» на малозначительность деяния должна «обеспечиваться адекватная оценка правоприменителем степени общественной опасности деяния»¹⁴, т. е. степени, соответствующей запрещенному законодателем посягательству. В таком случае понимание правоприменителем содержания уголовно-правового запрета в числе прочего формирует правовая доктрина.

«Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «существенное нарушение прав и законных интересов» и «иная личная заинтересованность», как и всякие оценочные понятия, получают содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике»¹⁵. Действительно, Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении № 19¹⁶ разъясняет, какое нарушение прав потерпевших является существенным, а также содержание признака «иная личная заинтересованность», приводит типичные виды его проявлений. Но даже такое уточнение не исключает ситуаций, когда установленные обстоятельства посягательства со всей очевидностью не свидетельствуют о наличии у виновного должностного лица «личной заинтересованности». Обеспечение законности в таком случае требует дополнительного,

¹³ Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.06.2008 № 8312/08 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68964&cacheid=042A2B4AD9E6231C72AAE30F1A9D5689&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#9RmOaGUrk7FfnzHD> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2023 № 41-УД23-11-К4 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=775604&cacheid=4B0F84B65C306FEC1799A1248707A26D&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#Pr1QaGUE3WwkETA21> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булатникова Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.2023 № 3349-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797475&cacheid=BA42B9E85AE7C0CF297909E5E609EFC3&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#xbSQaGUy3xalPcaB> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁶ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 19.02.2024).

в том числе и доктринального, толкования указанного признака. Например, в одной из работ обосновывается позиция, согласно которой, «личная заинтересованность» как признак должностного преступления исключается, если действия виновного обусловлены «желанием достижения полезного результата очевидно незаконными средствами» [15, с. 27].

Особенно убедительно значение доктрины как источника права показано Конституционным Судом Российской Федерации в одобренной им методологии конституционного нормоконтроля: «В любом демократическом обществе ведется дискуссия относительно выносимых высшим правосудием решений, и представители юридической науки – ее активные участники. Но при допустимости и даже неизбежности расхождения юрисдикционных и доктринальных оценок противопоставление доктрины конституционно-судебным подходам вряд ли продуктивно. В особенности с учетом существующей между этими формами юридической мысли тесной взаимосвязи. Разрабатываемые представителями доктрины идеи вовлекаются в орбиту конституционной интерпретации; многие, изначально высказанные в актах конституционного нормоконтроля концептуальные положения усваиваются юридической наукой»¹⁷.

Доктрина – это постоянный поиск права, формирование правовых принципов и стремление к их идеальной реализации. Общетеоретические принципы права находятся с доктриной на одном уровне правовой реальности. По замечанию М. И. Байтина, составляющие естественное право нравственные и правовые идеи, принципы и идеалы «еще не являются правом в юридическом смысле, а представляют собой мораль, правосознание, демократические устремления, т. е. ближайшую и необходимую предпосылку и основу собственно юридического права» [16, с. 108]. Важная регулирующая функция общих принципов права проявляется в концептуальном влиянии на содержание всех элементов правовой системы. «Судебное толкование, основанное на едином понимании права как сочетания естественных (соответствующих человеческой природе) и позитивных (предписанных властью) правил, предполагает, что в праве не может быть пробелов, ибо в том случае, если позитивное право не содержит правила для конкретного случая, его следует отыскать в праве естественном, из которого проистекают императивные нормы – правовые принципы (справедливость, равенство, добросовестность)» [17, с. 114]. Процесс взаимного обогащения доктрины и позитивного права точно описан М. Н. Марченко: «Естественное право наполняет собой содержание конституционного или любой иной отрасли положительного права, воплощаясь в законах и других нормативно-правовых актах, оно приобретает или разделяет вместе с позитивным правом соответствующую *формально-юридическую (письменную) форму*» [13, с. 95]. Изложенное убедительно свидетельствует о непродуктивности противопоставления уголовно-правовой доктрины объективному праву и практике его применения. Тесная связь между названными формами юридической среды проявляется, с одной стороны, в вовлечении правовых идей в законодательную деятельность и судебную практику, с другой – в осмыслении и принятии юридической наукой объективного права и его концептуального судебного толкования.

¹⁷ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): Информация Конституционного Суда Российской Федерации: одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=399426&cacheid=987EC5A3E7F815906AFFECE3947BF967&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#kWiRaGU8jm43XWnA> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гишинский, Я. И. Современная криминология о преступности и противодействии ей // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 3–7.
2. Сырых, В. М. Общая теория права как философия, методология, логика и социология права // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 20–22.
3. Марцев, А. И. Преступление: социально-правовой анализ : учеб. пособие. Омск, 2012. 75 с.
4. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.
5. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : в 2. т. Свердловск, 1972. 396 с.
6. Бошно, С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 35–45.
7. Сырых, В. М. Ведущие правовые доктрины современного правоведения // Правовая культура. 2023. № 2. С. 88–97.
8. Ершов, В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.
9. Ображиев, С. К. Проблемы нормативного отражения системы формальных источников российского уголовного права // Государство и право. 2017. № 5. С. 51–59.
10. Минникес, И. А., Пирмаев, Е. В. Конституционное судебное толкование // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 4. С. 297–306.
11. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2018. 636 с.
12. Иванчин, А. В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.
13. Марченко, М. Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2008. 760 с.
14. Овчинников, А. И., Далгатова, А. О. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2. С. 59–64.
15. Борков, В. Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2023. № 3. С. 20–27.
16. Байтин, М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.
17. Нешатаева, Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113–125.

REFERENCES

1. Gilinsky Ya.I. Sovremennaya kriminologiya o prestupnosti i protivodejstvii ej [Modern criminology about crime and counteraction to it]. Kriminalist – Criminologist. 2022, no. 1 (38), pp. 3–7.
2. Syrykh V.M. Obshchaya teoriya prava kak filosofiya, metodologiya, logika i sociologiya prava [General theory of law as philosophy, methodology, logic and sociology of law]. Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – State legal studies. 2020, no. 3, pp. 20–22.
3. Martsev A.I. Prestuplenie: social'no-pravovoj analiz [Crime: social and legal analysis]. Omsk, 2012, 75 p.
4. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow, 2009, 579 p.
5. Alekseev S.S. Problemy teorii prava: v 2. T. [Problems of the theory of law: in 2. volume]. Sverdlovsk, 1972, 396 p.
6. Boshno S.V. Ponyatie pravovoj doktriny [The concept of legal doctrine]. Pravo i sovremennye gosudarstva – Law and modern states. 2022, no. 2-3, pp. 35–45.
7. Syrykh V.M. Vedushchie pravovye doktriny sovremennogo pravovedeniya [Leading legal doctrines of modern jurisprudence]. Pravovaya kul'tura – Legal culture. 2023, no. 2, pp. 88–97.
8. Ershov V.V. Pravootnosheniya: vzniknovenie i regulirovanie [Legal relations: emergence and regulation]. Pravosudie – Justice. 2022, T. 4, no. 1. pp. 8–27.

9. Obrazhiev S.K. Problemy normativnogo otrazheniya sistemy formal'nyh istochnikov rossijskogo ugovnogo prava [Problems of normative reflection of the system of formal sources of Russian criminal law]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2017, no. 5, pp. 51-59.

10. Minnikes I.A., Pirmaev E.V. Konstitucionnoe sudebnoe tolkovanie [Constitutional judicial interpretation]. Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic legal journal. 2021, no. 4, pp. 297–306.

11. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, 2018. 636 p.

12. Ivanchin A.V. Real'nyj krug istochnikov ugovnogo prava Rossii [The real circle of sources of criminal law in Russia]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2024, no. 1, pp. 27–30.

13. Marchenko M.N. Istochniki prava [Sources of law]. Moscow, 2008, 760 p.

14. Ovchinnikov A.I., Dalgatova A.O. Pravovaya doktrina kak istochnik prava v Rossijskoj Federacii [Legal doctrine as a source of law in the Russian Federation]. Philosophy of Law – Filosofiya prava. 2016, no. 2, pp. 59–64.

15. Borkov V.N. Ocenka motiva pri kvalifikacii prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij [Assessment of motive when qualifying abuse of official powers]. Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2023, no. 3, pp. 20–27.

16. Baytin M.I. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [The essence of law. (Modern normative understanding on the verge of two centuries)]. Saratov, 2001, 416 p.

17. Neshataeva T.N. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [On general principles of law and judicial interpretation. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2023, no. 3, pp. 113–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борков Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Borkov Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, st. Komarova, d. 7.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.05.2024.